

Д

ома в деревне похожи на скворечники, выпускающие детей полетать на весенних просторах.

И дети с кленовыми прутьями в руках осваивают приемы фехтования, сражаясь друг с другом. В этих битвах нет победителей и проигравших, а есть только смех и радость, наполненные друг другом, как земля влагой, а небо солнечным светом.

В торжестве той радости слышится звонкий голос пробуждения всех сил, всякой надежды и счастья, что спали под толстым слоем снега, словно медведи в берлогах.

Под теплыми лучами тает снег и съезжает с крыш, ухая.

С бугров и полей солнце тоже снимает толстые белые свитера.

И река рождается заново, вылупляясь из ледяной скорлупы. Ломает толстые куски льда сильное тело реки и несет их прочь.

Каждый раз мы ждем весну, как чуда после всех тягот, что принесла долгая зима. После того, что почти целые дни сидел дома, глядя на замороженные окна. После пробирающих до костей холодов и бесконечных снегопадов. Когда метель заносила поля и дороги глубокими сугробами. И потом даже до погребца нельзя было

дольчи, не откопав траншею в снегу. После каждого дня прорубания лунки на реке, чтобы напоить коров и овец. Когда каждый день приходилось на морозе колоть дрова для печки, разжигать ее и кочегарить до вечера, а на следующее утро снова колоть дрова...

Когда закутанный в шарфы и тулупы, в рукавицах величиною с лопату, в громадных до колена валенках ты по заметенной дороге ехал к дальнему полю за соломой и, обдуваемый со всех сторон ледяным ветром, на возу возвращался домой.

Когда с трепетом ты собирал со двора каждую травинку для худеющих до костей стеленных коров, и сердце твое сжималось от боли. Ведь ты не знал, смогут ли они выжить и увидят ли телята, растущие в их жилах, этот чудесный мир или нет.

И вот, наконец, дождавшись весны, ты, чуть не плача, радуешься тающему снегу, дружному разливу, шумящим оврагам. И даже кваканье лягушек кажется тебе прекраснее сонат Бетховена. Ведь это все твоя жизнь, настоящая, реальная.

Ранней весной мы обычно по утрам бегали к березам. Там в кустах висели у нас стеклянные банки на резинках. За ночь банки наполнялись доверху соком, и его хрустальные капли падали вниз на землю. Утром сок — холодный, до боли в зубах, даже лед плавает наверху, но зато этот древесный сок такой свежий, такой бодрящий!

Во время разлива речная вода непригодна для питья, а к родинку не попасть ни на санях, ни на телеге, потому что везде грязь. Водопровода в нашем селе нет. И приходится пить либо запасенную с зимы речную воду, либо греть снег. И вот после этой склизкой старой воды, после пресного снега березовый сок — словно эликсир жизни, божественный, ни с чем несравнимый!

Выпив тут же целиком одну банку, другую мы несли домой маме с папой попробовать этот первый глоток чистой весны. А потом бежали к горе смотреть разлив.

И вот ты стоишь, распахнув толстую куртку, глядя на синее небо, в лицо дует свежий ветер, а где-то далеко слышится курлыканье. И радость наполняет тело. И ты уже не понимаешь: то ли птицы прилетели на соседнее озеро, то ли к тебе в сердце...

История эта произошла очень давно. Уже не помню, сколько лет назад, но воспоминание о ней так же ясно, как четко сфокусированный кадр. Лишь подробности слегка размыты временем.

Хозяйство в то лето у нас прибавилось: вместо двух коров стало три, вместо двенадцати овец — восемнадцать, и к ним в придачу еще конь Руслан. Сена нужно было заготовить больше, чем обычно.

Папа поехал по окрестным деревням просить у людей, которые имели косилки, покосить нам за деньги. Один мужик сказал, что у него сломана косилка и когда он ее сделает, неизвестно, что на крестьянском языке означало: «Идите лесом».

Другой крестьянин быстро согласился, но тут подошла его жена и заявила, что к нам ее муж не поедет. Очевидно, она испугалась того, что на вырученные деньги супруг сорвется и уйдет в длинный, как его отянутая майка, запой.

Третий держатель косилки просто струсил отказать: «Себе накошу и к вам приеду», — сказал он. Папа ездил к нему несколько раз, и всякий раз получал заверения, что скоро он у нас покосит. Чего так и не случилось.

Пришлось обходиться собственными силами... Но это было все равно что наливать воду горстями вместо ведра.

Мы косили до сентября. Обкосили все прибрежные луга, все лужайки с густой растительностью. Не побрезгали даже склонами оврагов, где обычно растет высокий пырей. Правда, потом летать по этим склонам на телеге было страшнее, чем на аттракционе. Для того, чтобы вывезти несчастное сено к себе во двор.

Заготовили мы, сколько смогли. Заполнили сеном крышу коровника, построили три скирда. Но, увы, этого было недостаточно. Наступила осень, а мы все ходили с косами по лугам, выискивая себе подходящие клочки травы. В этих шатаниях мы напоминали бабку из сказки про колобка, которая мела по амбарами и скребла по сусекам.

Эх, но трава была уже не та. Если в июне ты срезаешь косой мягкий и ароматный пучок, напоминающий яркий букет, который и подарить не стыдно, так он красив и пышен, то в июле ты стоишь в траве как в джунглях, и пахучие июньские букетики уже превратились в сборище пижмы, лопухов, ядовитого веха и крапивы.

А в августе ты отмахиваешься от травы с дикими глазами, потому что на сухих соцветиях сидят гигантские крестовики и к тому же в этой траве полно пуха, который лезет в глаза и путается в волосах. Да и коса рубит вместо травы жесткие пожелтевшие прутья, которые ничем не мягче веток деревьев. И потом все лезвие пестрит выбоинами.

Ну а осенью на земле лежит бурая, погрызенная мышами, полусырая от осенних ливней солома, похожая на волосы, которые не мыли шампунем несколько лет. Вот это добро косили мы до середины сентября. Потом приступили к учебе, и было уже не до покосов.

Вся наша надежда была на большой скирд, который крестьяне построили на поле рядом с нашими лугами — в двух километрах от дома. Сущий пустык. Обычно, когда корма не хватает, мы и за пятнадцать километров ездим, Руслану ничто нипочем: ни даль, ни снег, ни мороз.

Но мы ждали не такую зиму, как эта...

В начале декабря мы решили свозить часть одного скирда к себе во двор, но заболели. У всех была сильная температура, лихорадка, боль в горле, мокрота и сопли.

Одна Вера ходила последним из могижан, раздавала с утра корм животным, потом доила коров, сливала молоко, колола дрова на мелкие щепочки, чтобы разжечь печку, потом варила молочную кашу, разносила ее по койкам, где лежали больные, которые, к тому же, не разговаривали. Они лишь показывали жестами, что им надо. И Вера рвала тряпки для сморкания, лазила на крышу за сушеными травами для чая, затем грела воду, скребла ложкой засахарившийся мед в огромной фляге. Потом раздавала этот мед больным вместе с чаем, потом, надев шапку, валенки и фуфайку и взяв в руки топор, гнала коров на водопой к речке. Там прорубала лунку, раздавала коровам и овцам воду, потом гнала всех назад в котух, овец в овчарню, коров — в коровник. Прицепляла буренок к своим местам на цепь, чтобы они не передрались, потом разносила скотине сено и шла, наконец, домой.

В один из этих тягостных дней у горизонта появились белые облака, они разрастались на глазах, словно пышные цветы. Начался ураган. Ветер дул с такой силой, что если б не корни, то все деревья летали бы по небу как одуванчики. Крупными хлопьями повалил снег. Вмиг исчезли поля, лес, горизонт. Было видно только снежную рябь.

К утру буря утихла, но через окна ничего нельзя было разглядеть. Я оделась и пошла их отчищать. В терраску через щели нанесло целый сугроб. Раскидав его, я открыла на себя двери и не увидела ничего, кроме снега. Я стала лопатой отбрасывать снег, выползла наружу и увидела настоящую трагедию: снега было так много, что от курятника осталась видна только маленькая часть крыши. Внутри нее курицы о чем-то недовольно ворчали.

Будь на моем месте папа, он бы вскрикнул: «Епона мать!» А мама сказала бы: «Елочки да палочки!» У обоих эти выражения — высшая степень замешательства. Но и мама, и папа лежали дома пластом, поэтому ко мне вышел старший брат Петя. Под глазами у него были темные круги, и кашлял он, не останавливаясь по пять минут, а потом выплевывал желтый гной.

Мы прорыли с ним узкую тропинку до котушков со скотиной, расчистили путь до скирдов с сеном, и только к вечеру прорвались к погребу. А потом упали в снег у дверей и молча глядели в серое опустошенное небо такими же опустошенными глазами.

Когда-то наша деревня тянулась вдоль высокого бугра длинной полукруглой полосой, похожей на широкую улыбку. Но люди уезжали в города, и со временем полоса стала прерываться, светить щербинами, словно выбитыми зубами. А сейчас от той прекрасной улыбки осталось несколько коренных зубов — самых стойких и твердых, но разбросанных друг от друга на большом расстоянии.

После снегопада я видела вдалеке только крыши этих домов и рядом маленькие, медленнодвигающиеся точки. Это были люди, которые, так же как и мы, отчаянно бились, вырывая свое хозяйство, словно ноги из этого снежного капкана.

Каждый день из деревни Сальники в сторону деревни Сиротка выезжал бульдозер прочищать дорогу, он гудел по несколько часов вместе с другой техникой, но, не дочистив, машины возвращались назад.

А тем временем люди из Сиротки пытались пробить себе дорогу на рыбалку и в другие деревни. Один мужик на санях застрял так сильно, он кричал и бил свою савраску огромной тяжелой дубиной, что даже мы слышали, как дерево стучало по конской спине. Все закончилось тем, что увязшие сани остались стоять в снегу, а мужик уехал верхом назад в свое село.

В этом снежном заточении провели мы три месяца. Наступил март. Но снег не таял, а ледяной ветер, словно назло, дул сильнее, чем зимой. Проехать куда-то было нереально. Все наши запасы иссякли. Остался только горох, лук и соль. Хотя к зиме папа закупал крупы и макароны — мешками, а масло — флягами. Но семья у нас большая — десять человек. Все быстро съедается. И вот в ту пору на завтрак было у нас голое молоко, а на обед и ужин — гороховый суп, который мы закусывали луком. Без хлеба.

В общем, в тогда мы жили, как Робинзоны. Зарезать было некого. Все овцы были либо сукочие, то есть беременные, либо уже окотившиеся, кормящие маленького ягненка. Кроме овец был еще баран. Но барана зарезать — все равно что сожрать семена, оставшиеся на посадку. Из крупного рогатого скота — две стеленные коровы. Третья корова давала нам молоко. Вот и получалось, что тронуть было некого.

Сено тоже закончилось. Остался только небольшой запас — НЗ, что

хранился на крыше коровника, — он предназначался для Руслана, потому что рабочую лошадь кормят только отборной травой. Это лучший кнут для лошади. А также этот НЗ оставляли на случай отела коров. Но кроме него давать было уже нечего...

С каждый день сена на крыше становилось все меньше, вот уже показался потолок, застланный досками, через которые видно внизу худые тела коров. Утром я с младшим братом Митей забиралась на эту крышу сбросить очередную порцию сена овцам и коровам, а они через щели в потолке тянули к нам свои извилистые голодные языки.

Когда мы с Митей скинули последний пучок, из него выпало яйцо и разбилась об мерзлую землю, но в тот миг мне показалось, что это было мое сердце. Еще никогда вся наша скотина не была на грани вымирания.

Нужно было срочно доставать корм. Надеяться на то, что кто-то прочистит дорогу и поможет нам, было так же бессмысленно, как ждать от зимы лета, а от осени первоцвета.

И, снарядив сани крючком для дергания соломы, вилами, лопатами и положив в них несколько пар лыж, мы двинулись в сторону соломенного скирда. От нашего двора он казался меньше буханки черного хлеба, хотя на самом деле был выше берез в посадках.

Руслан с храпом вылетел со двора, проехал пару сотню метров и утонул в снегах. Мы взяли лопаты и расчистили сугроб, в который сани воткнулись, точно лодка в брег. Жеребец проехал еще несколько метров, и сани снова застряли. Безжалостно гнать Руслана, как это делал мужик из Сиротки, мы не стали. Натянув штаны поверх валенок, чтобы снег не сыпался в ноги, мы пошли топтать сугробы. Неуклюжие, словно пингвины, мы ходили туда-сюда, утрамбовывая снежную массу, как соленую капусту. А Руслан потихоньку плелся за нами. Где-то мы выталкивали санки, где-то Руслан сам вырывал их, а в самых трудных местах мы копали целые траншеи.

Когда мы садились отдохнуть, то обращали свой взор к скирду. Мы смотрели на него вождеденно, глазами цепной собаки, которая видит кость и не может до нее дотянуться.

Постепенно скирд был все ближе, и мы отчаянно старались, несмотря на то, что одежда у нас была мокрая насквозь. Сколько часов заняла эта поездка, я не знаю. Но когда мы вернулись домой с первой маленькой порцией соломы, зашли в дом и сняли шапки, от наших волос шел пар, как от свежеприготовленного горохового супа. Впрочем, тогда этот суп показался мне каким-то особенно вкусным.

Скоро про скирд разведали крестьяне из других деревень и начали возить из него солому на тракторах по своим дворам. Скирд стремительно таял. В отличие от снега. Но в этом был и свой плюс: трактора пробили нам дорогу, и по ней можно было ехать за продуктами в соседние деревни. (В нашей-то магазин давно закрылся.)

Когда мы дорвались до магазина, то закупили полные сани еды. Коробки с апельсинами, бананами, селедкой, рисом, макаронами заняли все свободное место, только папа кое-как устроился впереди в качестве рулевого, держа одной рукой вожжи, а другой мешок с орехами и финиками, а мы встали на полозки сзади санок и, пока ехали, таскали конфеты, закусывая их хлебом.

Поскольку основную часть скирда, мякушку — сухую золотистую солому — увезли крестьяне, мы продолжили ездить туда и добирать горбушку и корочки, выковыривая их из-под сугробов. Заледеневшие куски

солоты, тяжелые, как булыжник, мы давали овцам, мягкие пучки — коровам и коню.

Но животных нельзя кормить одной соломой. В ней почти нет питательных веществ, все витамины забрал колос, оставив только клетчатку. Коровам нужна была зеленая травка. На одной соломе они только худели. Поэтому мы ждали весны как чудесного дара, как высшего счастья, которое только может быть на Земле.

Каждое утро я забиралась на крышу коровника, цепляясь за гвозди, прибитые к шиферу, а маленький любопытный брат Митя лез за мной.

— Вер, дай руку! — просил он. И мы с ним заползали на самый шпиль, кое-как сядились на него и оглядывали с той высоты всю округу. Отсюда были видны бугры, которые всегда таяли под теплыми лучами солнца, предвещая наступление весны. Мы хотели увидеть хоть краешек чистой от снега земли, хотя бы маленький кусочек. Но везде только снег искрился своим холодным блеском.

— Вер, как думаешь, когда наступит весна? — спрашивал меня Митя.

Я так хотела сказать ему: «Скоро, Митян!» Но я не знала ответа и пожимала плечами...

В эти дни у всех на лицах было написано одно и то же. Ожидание. Оно пожирало нас изнутри, как червяк пожирает яблоко.

И вот в одно прекрасное утро, выйдя из дома, я почувствовала, что моего лица коснулся легкий порыв. Он был теплый, как парное молоко, и мягкий, как шерсть у кошки. Хотелось вдохнуть его всем телом, хотелось кричать «Спасибо!». И плакать от счастья.

Так, наконец, в начале апреля к нам пришло тепло. Поскольку солнце находилось в небе уже по многу часов, оно успевало за день прожигать снежный покров, снег оседал, превращаясь в крупинки льда, похожие на бусины. Взяв один такой кусок грубого заледеневшего снега, можно было им, как щеткой, очистить ведро от грязи.

Под снегом скапливалась вода, пропитывая сугробы, и когда мы в очередной раз отправились за соломой и доехали до огромной впадины, тянувшейся поперек поля, то увидели, что она вся заполнена водой, как чаша. Но за время поездки Руслан утрамбовал дорогу до обледенения. Она не размякла. И папа смело погнал коня вперед. По дороге текла вода, и Руслан плюхал по ней, разбрызгивая по сторонам талую массу. Но когда жеребец ставил свою ногу чуть не туда, сани накренились, проваливаясь в холодную воду. И мы перепрыгивали в другую часть санок. Так мы привезли несколько возов, а на следующий день поле ушло под воду.

В городе снег тает быстрее, и наступление весны там никак не связано с голодом и бездорожьем. Там всюду асфальт. Но даже там ждут весны, чтобы надеть изящные туфельки, вместо шапок показать открытую голову, с рук снять перчатки, открыв прекрасный маникюр, чтобы культурно прогуляться, наблюдая озеленение парков и слушая пение птиц, чтобы почувствовать кожей, как холод сменяется теплом.

А здесь мы ждали весну, потому что нам надоел горох, лук и рис и потому что мы не хотели видеть, как умирают наши животные. Чтобы их еще не родившиеся детеныши увидели, каким ярким может быть солнце, а не погибли в темных утробах вслед за матерями. К концу зимы скотина всегда худеет, особенно овцы. Если их остричь, они напоминают тощих собак с овечьими головами. Да что — овцы! Мы и сами были не толще, если снять с нас шапки, кофты и телогрейки.

Радовало только то, что весна наступала. Мы чувствовали ее прибли-

женie, это придавало нам силы. Но надо было чем-то кормить скотину, и мы выпускали животных во двор, они бродили у котухов, собирая былинки, а мы в это время резали им в лесу молодые веточки и привозили на Руслане во двор.

Потом мы придумали, что можно давать скотине нашу траву для чая. Сбросили с чердака мешки с чабрецом и кипреем. Также скинули запасы маминых лекарственных растений: крапивы, тысячелистника, пижмы. Все это раздавали нуждающимся, то есть животным.

Самой первой должна была отелиться Троя. У нее уже раздулось вымя, и живот опустился, как будто все самое тяжелое в нем провалилось на дно. Это был явный признак скорого отела. Двигалась Троя тихо и аккуратно, как осторожная кошка. В двери не протискивалась, с коровами не дралась, на водопой не скакала, размахивая выменем словно шваброй.

Я и Митя считали ее своей коровой, поэтому всячески о ней заботились.

— Привет, Троя! — говорили мы ей по утрам, обнимали ее, целовали в шерстяную морду, гладили, спрашивали, как у нее дела.

— Трояеллочка, — мягко говорил ей Митя, подавая сушеный чабрец. — На, кушай.

Троя жевала, важно поднимая голову и прищуривая глаза от удовольствия.

— Вер, глянь, у нее теленок двигался щас только! — воскликнул Митя, дергая меня за рукав.

Мы прижали свои ладони к животу Трои и почувствовали, как у нее в животе возится теленок.

Было что-то общее у нас с этим малышом. Он был там в заточении совсем один и ждал своего отела с таким же нетерпением, как и мы разлива. Он устал лежать в одном положении, скрючив голову и поджав ноги. Он уже готовился расправить свое тело, первый раз пробежаться по земле, вдохнуть полной грудью свежий воздух и выпить мамино молоко.

Но выход был только один: ждать, когда природа соберется с силами, чтобы освободить землю из снежной утробы.

Когда закончились мешки с сушеной травой, мы стали варить коровам рис и макароны, которые и сами не прочь были съесть, но животным они были нужнее.

Каждый день количество снега уменьшалось. В начале весны наши заснеженные луга напоминали древнюю карту мира с едиными материком Гондваной. Но вот она разделилась на несколько внушительных снежных массивов, которые затем распались на еще более мелкие части с множеством островов.

И вот уже ручейки журчали из-под каждого сугроба, а ямы и колеи дорог заполнились водой, в которой отражались плывущие облака.

Тут папа наконец вытащил из чулана мешок с резиновыми сапогами и высыпал их посередине комнаты. Мы расхватали их жадными руками, словно коты мышей. В эти сапоги папа вставил войлочные стельки, которые вырезал из старых валенок, и, надев шерстяные носки, мы побежали на улицу. Ура, теперь можно было делать все: прыгать, бегать по лужам и по грязи, не боясь, что резина испачкается и измокнет, можно было с удобством сидеть на корточках, и, главное, сапоги не надо было сушить.

Папа поручил нам прорубать штыковыми лопатами канал во льду у дверей дома для отвода скопившейся воды. Но вместо работы мы затеяли

свою любимую игру: «Кто пробежит дальше всех по земле, не касаясь ногами снега». И помчались, точно зайцы, перепрыгивать этот старый грязный снег, приземляясь прямо в скользкую жижу. Поминутно мы подбрасывали свои шапки вверх, и, если кто-то не успевал поймать шапку и она падала на землю, мы ржали громче лошадей. Так эти шапки уже нам надоели.

Со двора мы потихоньку добежали до Балакирева оврага. Это был длинный разрез в земле, тянущийся от поля до реки. У поля он был пологий с покатыми склонами и плоским дном, а ближе к речке становился все более обрывистым, разрубил бугор, словно топором. Несмотря на свою голубину, овраг был всклянь заполнен снежно-водяной кашей, а вода все прибывала и прибывала. Но овраг еще не прорвался и был примерно на той же стадии, что и корова Троя.

Разлив обещал быть бурным. А это зависело от двух основных условий: количества снега и резко наступившего потепления. Снег девать было некуда и тепло — тоже. Вот они и встретились. Оставалось только наблюдать, какого масштаба картину они нарисуют на просторах.

Вечером овраги зашумели. Шум стоял повсюду, как стена. А в речке вода бурлила, гудела и плескалась.

— Пап, овраги прорвало! — дружно заголосили мы, вбежав в дом.

Было уже темно, но чем ближе мы подходили к оврагам, тем сильнее был грохот, а у самого водопада не слышно было ни слова.

Помню, что когда мы были маленькими, мама с папой водили нас смотреть разлив. На папе были длинные рыбацкие сапоги, поэтому через стремительные течение он переносил и нас и маму по очереди на своих руках.

Мы обходили все местные овраги. Там, где были обрывы, ручьи превращались в водопады. Рухнув вниз, поток вырывался из глубины, выбрасывая камни, корни деревьев и куски земли. Вдоволь насладившись этим зрелищем, мы отправлялись к высокому берегу над рекой и, стоя рядом с родителями, смотрели, как плывут икры (так на местном наречии называются льдины). Они откалывались друг от друга и плыли по мутной воде, словно большие корабли в море.

Потом кто-то из нас обязательно обнаруживал в небе летящих птиц, и все поднимали головы, наблюдая их размашистые движения и вслушиваясь в прерывистые гортанные крики.

В эту весну разлив был эпохальным. Если раньше река затапливала только прибрежные участки, максимум поглощая верхушки камышей, то теперь многие деревья выглядели как камыши. От обилия влаги в воздухе висел густой туман, скрывающий истинное величие всей картины.

Мы даже не сомневались, что прорвало все ближайшие плотины и даже огромный Румынский пруд, находящийся выше по течению. Постепенно в наш лес начало приносить чужие лодки, ведра, какие-то тряпки и прочий мусор. Было похоже на то, что разлив кого-то ограбил.

По верхушкам деревьев в лесу прыгали куницы и кричали жалобным криком. Но мы ничем не могли им помочь. Глубина потока в лесу и его скорость были столь велики, что идти туда было равносильно тому, что ты прощаешься с жизнью.

Когда луга открылись, коровы стали без спроса бродить по далеким лугам, там они пили воду из луж и набивали рот первой зеленью. Конечно, после такой тяжелой зимы наши буренки не выглядели баловнями судьбы. Шеи у них превратились в доски, позвончики некрасиво выделялись,

на ляжках толстой коркой засох навоз. «Перезимовали, и слава Богу» — как будто говорил их вид. Но они-то хоть попить могли нормально.

Для нас питье стало настоящей роскошью. Пока река бушевала, мы не могли привезти себе ни еды, ни воды. Даже пешком нельзя было никуда пройти. Грязь была такая, что мы ходили по ней как с примагниченными ногами. Дома у нас стояло несколько бочек запасенной воды еще с того времени, когда речка была чистой. Эту воду мы и пили. Но она постепенно тухла, становилась вязкой, как слизь на шкуре у рыбы. Приходилось кипятить снег, что еще лежал в тени на не освещаемых солнцем местах.

Но варить из снега суп было невозможно. Суп был кислым, как старый компот. Ну а что было делать? Все родники напрочь затопило разливом.

И тогда мы пошли собирать сок. Проковыряв ножом небольшие отверстия на ветках берез, мы обвязали резинкой стеклянные банки и повесили их как раз под то место, откуда падали драгоценные капли.

Днем, захватив трехлитровую банку, мы пошли проверять сок. Одна банка перелилась, упала и разбилась, мимо второй сок пробегал и капал совершенно в другом месте. А остальные доверху заполнились. Мы наглотались тут же этого кристального напитка и пошли смотреть коров.

Все коровы лежали на лугах, смакуя жвачку, одна Троя странно помукивала, словно с кем-то разговаривала. Подойдя поближе, мы увидели, что около нее, раскачиваясь, стоит маленький коричневый теленок. Он двигал ушами и смешно фыркал. Копыта были у него желтые и мягкие, как сыр. Потому что кости и хитин в утробе матери без кислорода не могут затвердеть.

У Трои было надутое красное вымя, как раскаленный шар с четырьмя лучами. Теленок очень хотел пить, он сделал пару шагов этими мягкими копытами и свалился. Полежав так, он снова встал и доковылял до вымени. Наклонился и жадно пил из него молоко, как мы березовый сок из своей банки. А Троя облизывала его и мычала.

Порой нам кажется, что природа слишком жестока к нам, что она заставляет нас страдать и мучиться. Но на самом она так же кормит и любит нас, как корова Троя своего маленького теленка.

